

КОГОТОК — УВЯЗ...

Н. Р. Корнев

Когда я начинаю писать, всякий раз текст незаметно создает сильнейшую инерцию. И чем дальше погружаюсь в него, тем жестче он задает рамки для следующего движения — изложения мысли. Нелинейные «прыжки в сторону», естественные, когда думаешь, становятся все более неуместными, когда пишешь. По крайней мере, у меня — так. Попробую разрушить эту власть самоорганизации текста и не пропускать моменты, когда хочется задуматься о другом. В этом что-то есть.

Понимаю, что, говоря о себе и не скрывая своего «я», нарушаю одно из неписаных правил научных текстов, стремящихся к объективности и отстраненности. В науке изложение — утверждения — вопросы имеют, в основном, форму обезличенную. Иногда — «мы полагаем», и уж совсем редко — «я», «я», «я». Последнее просто неприлично. Но я сейчас пишу в стиле сугубо не научном.

В конце восьмидесятых случай привел меня, социально-наивного биофизика с микробиологическим уклоном, на дискуссию в клуб, который назывался «Перестройка». Одного вечера оказалось достаточно, чтобы меня захватило и понесло. К жизни, бывшей до того, добавилась стихия *общественного движения*, полная сильных впечатлений. И рождаемых ими вопросов, находить ответы на которые не успевал, а лишь откладывал на потом, стараясь не забыть. Уже через год устал очень, но множество новых знакомств, обязательств внешних и внутренних тащили дальше, казалось, необратимо.

Коготок увяз — всей птичке пропасть.

«Потом» все же наступило, в 1990 году, когда волна общественного движения докатилась до первых выборов в местные советы и после повсеместной победы — угасла. Удержавшись, чтобы не закатиться туда же, я вернулся к прежней жизни «работа — дом». Но тут социологи, с которыми я познакомился в «Перестройке», предложили мне написать как бы мемуар. Мол, натура уходящая, и интересно, как всё воспринималось изнутри стихии. Поскольку вопросов набралось и у меня, я взялся за не известное мне дело анализа социального явления. Только, сказали мне, не читай ничего социологического. Как видится и понимается — так и пиши. Потом социологию считаешь.

Результат вышел скверный. Пережевывая отложенные в памяти впечатления, я увидел, наконец, что наше общественное движение в значительной мере управлялось той самой властью, с которой бодалось. Это было болезненное открытие. Оно стало и основной темой текста, который я написал в вольной форме, со случаями-иллюстрациями к этому выводу.

Совершенно непрофессиональная работа неожиданно была с интересом встречена социологами: оказывается, объект что-то замечал, и объект может думать. Я ощутил гордость, наверное, сходную с чувством обезьяны после первой пресс-конференции на амслене. Последовало приглашение на социологический конгресс в Лос-Анджелес, затем на стажировку. Реакция на то, о чем я только догадывался, окончательно убедила: масштабные социальные проекты «на натуре» и, очевидно, социальные технологии — реальность.

Вот уже больше десяти лет я тружусь в социологии. Но о микробах, по-прежнему любимых, неизменно вспоминаю.

Как-то, разглядывая созданные социологами Чикагской школы схемы зональной структуры города, с концентрическими кругами и радиальными секторами, я узнал знакомое строение колоний мицелиальных грибов, где круги — явление обычное, а сектора возника-

ют как результат мутации. Метафора — колония мицелиального гриба это трубчатый город, населенный ядрами, — встречается еще у микробиолога П. Грегори (1974), с городом же сравнивали колонии актиномицетов Л. Калакуцкий и Н. Агре (1977). Сходство, видимо, имеет глубинную природу и связано с динамикой зон роста и старения, с истощением ресурсов, с мутациями-инновациями, и т. п., и др.

А аналогия постоянного движения культуры в городском пространстве и вторичного метаболизма в микробной колонии на твердом субстрате? Скачки усложнения продукта (химического, интеллектуального), производимого из предшественников в накопителе-реакторе.

Наверняка, все это уже многократно смоделировано и обчислено. И так, и сяк, и для таких исходных-граничных условий, и для эдаких. Для городов и микробных колоний.

Моделям нет преград, на море и на суше.

Следующее открытие моего доморощенного анализа на ниве социологии было приятным. Я увидел замечательное сходство общественного движения с поведением гриба-миксомицета *Dictyostelium discoideum*¹. Он как будто начитался социологических работ с изложением теорий мобилизации ресурсов и политических возможностей. До того похоже, что, вглядываясь в фотографии его мигрирующей формы, сделанные при большом увеличении, невольно ищу в круглых лицах микробных клеточек моих знакомых по временам Перестройки и себя.

Пожалуй, первый раз бесконечность между мной и микробами вдруг сократилась до близости еще во время работы в микробиологии-биофизике. Как-то я считал соотношение живых и мертвых дрожжевых клеток в экспериментальной взвеси. Для этого, как обычно, добавлял примулин — люминесцентный краситель, окрашивающий живые клетки только снаружи, а мертвые, проницаемые для примулина, и внутри тоже. Поэтому в микроскопе (люминесцентном) мертвые дрожжи сияют солнцами, а живые слабо светят лишь поверхностью, как солнце во время полного затмения. Различать и считать легко. Интересно, что примулин все же, видимо, попадает и внутрь живых клеток, потому что в каждой живой можно разглядеть крошечную, светящуюся примулином частичку. Она суется как бы в бессмысленном броуновском движении где-то в центральной части клетки, не снижая, впрочем, разрешающей способности метода. Всё изменилось, когда я заметил, что при повторном подсчете в измерительной камере *тех же самых* клеток доля мертвых неизменно оказывается выше. В какой-то момент я вдруг увидел то, на что глядел при подсчете постоянно. В живой клетке, находящейся в фокусе микроскопа (и моего внимания-подсчета), движение внутренней светящейся точки ограничено небольшим объемом, вероятно, какой-то вакуоли. А ее движение — прямо на моих глазах — становится всё медленнее и вот — совсем прекращается. Светящаяся частица словно оседает на невидимую мне стенку своей камеры-вакуоли. А еще через полминуты вся клетка наполняется сиянием примулина. Умерла. И это сделал я, всего лишь считая в лучах люминесценции, вызванной ультрафиолетом. Вакуолька с мешалкой — аналог моего сердца. Мой крошечный подопытный объект оказался гораздо более похож на меня, чем я подспудно полагал. Ну, знал, конечно, что у обоих есть ДНК, оба — эукариоты, оба рождены своими родителями, и смертны — оба. По правде говоря, раньше не задумывался о степени нашего сходства. Если я не заметил подобия сердечка, то, может быть, еще что-то очень важное видел — и не сообразил? Как обычно, спасла меня от следующего шага к пониманию суэта снаружи. Мой коллега, тоже засидевшийся допоздна, позвал пить чай.

И — проехало, ощущение убийства объекта-субъекта забылось.

¹ Считаю себя не вправе лишить тех, кто еще не читал книгу М. Зуссмана «Биология развития» (М.: Мир, 1977), удовольствия от описания жизни этого гриба.

Со-образил. Слово-то какое интересное. Как догадка, что понимание — сравнение, сопоставление образов по самым разным их качествам. В частности, по сценариям изменения. Моделирование при распознавании, моделирование при прогнозировании.

Резонанс трафаретов, или трафарета и образа объекта — принцип действия мозга?

Я вспомнил о примулиновом тесте, когда медленно, но верно стало затухать мое собственное сердечко. Врач на прямой вопрос и ответил прямо — «его ресурс отработан». Вроде, для живого существа дело обычное и естественное. Но я почему-то почувствовал себя под чьим-то микроскопом и заметался, пытаюсь выскочить из фокуса. Кто сказал, что мой последний аттрактор близок неотвратимо? Может, это всего лишь очередной тест на мою увертливость, и надо постараться, выход есть. К счастью для меня, он действительно нашелся — в виде кардиостимулятора. Заполучив его и отдышавшись, с чувством глубокой признательности отвесил земной поклон всем естествоиспытателям (Гальвани, и далее по списку) и их жертвам (Лягушка, Скотт и др., и пр.), обеспечившим в итоге одоление моей ситуации, казавшейся еще каких-то полвека назад совершенно безнадежной. Как хорошо, что одни были так настойчиво любознательны, а другие — так безропотны и беззащитны.

И, продолжаясь как киборг, я утверждаю: электрокардиостимулятор — триумф синтеза решений по подобию.

Как принято в роду-племени перед лицом возникшей проблемы и трудного выбора? Аксакалы-старейшины садятся кружком (или в линейку) и ну зудеть резонаторами опыта житейских ситуаций. «Вот был похожий случай...». Могут и молча. Понимание, что делать, наиболее убедительно, когда сходные резонаторы найдутся у двоих-троих. Эта схема совпадений надежна не меньше, чем в камере для обнаружения частиц. И уж никаких вопросов не остается, когда все старички-осцилляторы приходят к согласию, как в лазере. И наступает полная, абсолютная ясность. Увы, в реальности такое почти не встречается. Зато полная ясность, за которой следует простота решений, сплошь и рядом возникает в результате коллективизации разума. Говорят, это бывает в толпе. Наведенная ясность нередко случается и без толпы, например, в результате уверенного разъяснения эксперта. Или старшего по званию. Попробуй-ка с ним не согласиться (редкие локальные исключения не в счет).

Нет уж, лучше себя убедить, что он прав.

Потом, когда все пойдет не так, как «мы» хотели, и даже не так, как следовало из красивой математической модели, придется снова ломать голову над ее развитием и усовершенствованием, искать в граничных условиях источник настырных уклонений реальности от плана. Здесь речь, конечно, о социальной реальности, самой неподатливой для всемогущего ума.

Вспоминать о собственных сомнениях, посещавших «до того как», лучше втихаря, поскольку умных задним числом все старшие по званию не любят так же, как умных числом сегодняшним, но несогласных. Это — специфика социальных систем, где эксперт как «измерительный прибор» может стремиться не столько понимать объект, сколько «зачищать» его до состояния, желательного заказчику-субъекту.

Раздвоение личности политолога-социолога-психолога на социального технолога и исследователя-аналитика стало серьезной когнитивной проблемой. А может, и проблемой цивилизационной. Когда управляемая социальная система отклоняется от намеченной проектом траектории, можно искать изъяны в исходной модели, а можно напяречь волю и работать над непокорной реальностью еще энергичнее. Точнее определять в системе место и время для управляющих воздействий. Не допускать процесс до вредной для плана точки необратимости.

Вспомнилось движение афроамериканцев за гражданские права, Мартин Лютер Кинг.

В состав комплектации изделия «Человек» входит система аварийной защиты «Мораль». Она должна срабатывать по сигналам от подсистемы управления, прогнозирующей последствия разных вариантов действий. Срабатывание защиты «Мораль» должно включать блок корректировки «Социальная политика». Если в схеме происходит сбой... Стоп.

Допрыгался. А ведь говорила мне сестрица Аленушка не читать без разбору любую книжку на дороге, более всего опасаясь инструктивно-технических. Не слушался.

Пауза на срочный курс *аутопсихотерапии*.

Недавно видел замечательный телевизионный сюжет об успехах российских ученых, работающих с мозгом человека и освоивших лечение от некоторых навязчивых состояний, фобий. С помощью энцефалограмм от нескольких десятков датчиков и компьютера в мозге больного находят участок (чуть ли не клетку!), где рождается мучительное возбуждение-фобия. Тончайшей иглой, даже без наркоза (пациент во время операции обменивается репликами с врачами) проникают в мозг и разрушают то самое зловерное, болезненное место.

Корректировка фазового пространства психики человека. Фантастика! Как этот подход может развернуться в будущем! Ведь, признаюсь, и у меня бывают навязчивые состояния — иной раз засомневаюсь, засомневаюсь... Так ли? Туда ли? Знать бы, где центр, порождающий эти тягостные вопросы. Думаю, и меня в недалеком будущем вылечить смогут. Лишь не забыли бы спросить — разрешаю ли, и от чего — разрешаю. Впрочем, это забота политиков — создание нормативных рамок для использования новых технологий.

Ведь не ученых же, честно делающих свое дело, вгрызаясь и созидая.

Один из самых значительных вкладов в построение устойчивой антропоцентричной системы мира сделал Пастер. Он нашел условия, в которых изученному противнику не остается шансов выжить и сохранить свою организацию мира. По крайней мере, на обрабатываемом пространстве. Термическая антимикробная технология спасла жизни миллионам людей. Позже ей на помощь пришли антибиотики, которые люди научились выделять из одних микробов, чтобы бить других, плохих микробов, нам мешающих. Развитие тотального контроля над Другими, похоже, стало приоритетным направлением усилий лучших умов человечества (точнее, самых изобретательных). Кому достанутся плоды их трудов? Всем людям или определенной части? Похоже, в дискуссиях о разделении мира на «золотой миллиард» и остальных ответ нарисовался уже довольно прозрачно. Возможно, человечество объективно расслаивается (как смесь декстрана и ПЭГ) на два подвида, высший и низший, с переносом высшими привычных отношений к Другим — на низших — бывших Своих. И я, в «золотые» не попавший, снова вглядываюсь в опыт собратьев по миру. Вот вирус гриппа, например. И так мы его, и сяк. А он мутирует, уворачивается, и каждый год режется на просторе, словно человечество для него просто вкусная и здоровая пища.

Жизнерадостный субъект.

А может, это расслоение на «золотых» и прочих (от слова — прочь) еще обратимо? Найдутся в мире силы, идеи, способы, и, как сказал известный синергетик, — «мы пойдем другим путем»? (Пример фразы-стигмата, наслаивающей известный спектр отношений на вполне нейтральную мысль об иных возможностях развития.) Акцент на неотвратимости предъявляемого аттрактора способен скрыть наличие иных *возможных* сценариев развития, более приемлемых для управляемых. Технология прогнозирования может быть оболочкой-обоснованием доминирования еще и потому, что результат задается уже на стадии *выбора* исходных условий, а выглядит все так научно, что споры исключаются.

Ведь так?

Мне повезло — время от времени я натываюсь на статьи и книжки по синергетике. Она, с ее всеядностью к специальностям и даже к их отсутствию (простому вещему слову в ней тоже место найдется), с ее вниманием ко всем формам материи и духа, подвигает меня к свободе в языках. На которых я думаю и чувствую, без оглядки на правила цеха, Ученые советы, редколлегии и отдельных законодателей.

Синергетика наполняет новым смыслом профессиональную мобильность, которая обычно «одаривает» мигранта ярлыком маргинальности. Чем диковиннее сочетание разных опытов, тем *может быть* занятнее (для мигранта, увы, велик риск, что *ему — не будет*).

И все же... Как почитаю что-нибудь синергетическое, так воодушевляюсь. Чувствую, с глаз спадает пелена привычного видения мира, открываются связи, ранее не заметные.

Благостному состоянию мешает похрустывание валежника (иль чудится мне?) в ближних к синергетике зарослях, где лежка власти. Похоже, ей все мало, ненасытной, и синергетика ее влечет. Как хищник, власть чует поживу и ворочается, нетерпеливо порывивает. Однако синергетика влечет и меня, как омут с кофейной гущей, где видно будущее.

...Эх, была — не была. Зажмуриваюсь и — ныряю.